

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КАРИЙСКИЙ АЛФАВИТ И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРЕВНЕЙШИХ АЛФАВИТНЫХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ

(Дешифровка и псевдодешифровка карийских надписей) ¹

Как известно, в настоящее время ряд советских ученых работает над дешифровкой древних письменностей; есть удачи, есть и неудачи. Все это заставляет обратить внимание на важнейшие проблемы теории и истории письма.

Книга В. В. Шеворошкина, посвященная дешифровке карийских писем, представляет существенный шаг вперед в методике дешифровки древних письменностей вообще, а также и в изучении истории алфавитного письма. Поставленные в ней проблемы заслуживают поэтому тщательного обсуждения.

Попытки дешифровать карийскую письменность продолжают уже почти сто лет. Первый дешифровщик, Арчибалд Генри Сэйс, добившийся, как сейчас выясняется, сравнительно наилучших результатов, в своем отождествлении карийских знаков исходил из их внешнего сходства с греческими буквами. Но так как не все карийские знаки находили аналогии в греческом алфавите, то Сэйс предположил, что карийское письмо имело смешанный характер и состояло частично из букв греческого происхождения, а частично из знаков, происходящих из некоей гипотетической слоговой письменности, нашедшей продолжение, в частности, в древнекипрском силлабарии; карийские знаки, происходившие, по его мнению, из этого гипотетического слогового письма, он и отождествлял (также по внешнему сходству) со знаками кипрского силлабария. Однако усилия Сэйса не привели к достаточно убедительным результатам: нельзя было установить словообразовательных и морфологических закономерностей карийского языка и невозможно было установить связей карийского с каким-либо известным уже языком; как оказалось в дальнейшем, не обнаруживалось связей и с карийскими именами собственными, довольно обильно засвидетельствованными в греческих источниках.

Неудача Сэйса была вполне закономерной, так как его методические посылки были ошибочными. Дело в том, что, во-первых, определение звучания букв на основе внешнего сравнения форм без иного подтверждения такого их прочтения недопустимо. Примеры хорошо известны теории и истории письма; можно привести такой близкий нам пример, как русский алфавит, в котором буквы В, И, Н, Р, С, У, Х совпадают по форме с латинскими В, N, H, P, C, Y, X, хотя имеют совсем иное чтение.

Второй ошибкой Сэйса было само предположение о возможности существования письма, составленного из знаков, которые заимствованы из разных систем письменности, основанных на совершенно различных принципах, — из греческого алфавитного письма и из гипотетического слогового письма. Возможность существования такого рода письменностей современной теорией письма отвергается или, по крайней мере, ставится под величайшее сомнение.

Исследователи, работавшие над карийской письменностью после Сэйса, вместо того чтобы выработать более совершенную методику дешифровки, исходили из еще более произвольных предположений, чем Сэйс, руководствуясь чистой интуицией; вся работа сводилась по большей части к чисто произвольным умозаключениям. Какое новое предложенное чтение карийских писем вступало в противоречие с преды-

¹ В. В. Шеворошкин, Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965; Ю. В. Откупщиков, Карийские надписи Африки, Л., 1966.

душими, и не было выработано никакого объективного критерия, который позволил бы отделить вероятное от невероятного. В результате почти каждый знак карийского письма получал самые разнообразные чтения; например, один и тот же знак читался как *w*, *o*, *x*, *ph* или *vo*; другой знак — как *dh*, *ā* или *nda*; третий — как *go*, *jo*, *lo* или *bi*; четвертый — как *ā*, *i* или *je* и т. д. Дешифровка карийской письменности зашла в полнейший тупик.

Таким образом, дело обстояло не так, как это изображает в своей брошюре Ю. В. Откупщиков², а именно, будто бы Сэйс установил 16 знаков, затем Сундвалл — еще 3 знака, Менц еще 1 знак и т. п. и, наконец, В. В. Шеворошкин еще 1 или еще сколько-то. Каждый из исследователей давал полный список своего чтения в с е х карийских знаков, но из них Сэйс оказался п р а в в 16 случаях, Менц — в 1 (точнее — в 2) и т. д. Для того, чтобы установить, в скольких случаях был прав Сэйс, в скольких — Сундвалл, в скольких — Торп или Менц и т. д., потребовалось создать такую дешифровку карийского письма, в которой каждый знак был бы отождествлен объективными, доказательными методами. Именно эту работу и проделал В. В. Шеворошкин. Из множества чтений, предлагавшихся для каждого знака различными исследователями, часто почти наобум, некоторые, естественно, совпали с чтениями В. В. Шеворошкина³, — как мы увидим, основанными, по возможности, на объективных критериях. Однако такие совпадения, разумеется, несколько не умаляют заслуг В. В. Шеворошкина как автора первой научно обоснованной дешифровки в с е й карийской письменности в целом. При этом даже если взять только те карийские буквы, которые никто никогда, даже случайно, не читал так, как их доказательно читает В. В. Шеворошкин, то и в этом случае получится достаточно внушительный список, а главное — никто из его предшественников не раскрыл карийских писем как единой системы алфавитной письменности.

Лишь после того как В. В. Шеворошкин дал научное обоснование чтения всех карийских букв, выяснилось, что, например, Сэйс был близок к истине в 16 случаях, так как в принципе необязательное и не доказанное Сэйсом совпадение звучания некоторых знаков карийского письма со звучанием греческих букв того же внешнего вида в данном случае, как оказалось, действительно имело место.

Поэтому, по существу говоря, и самый скептический критик В. В. Шеворошкина — Ю. В. Откупщиков — принимает в основном е г о чтение карийских знаков, а не чтение его предшественников. У В. В. Шеворошкина им заимствован и самый принцип рассмотрения карийской письменности как алфавита из весьма ограниченного числа знаков. При этом для 30—32 знаков, встречающихся в той группе карийских памятников, которыми занимался Ю. В. Откупщиков, последний фактически принимает чтения В. В. Шеворошкина в 75% случаев, а все предложенные Ю. В. Откупщиковым новые чтения, как мы сможем показать ниже, либо явно ошибочны, либо во всяком случае значительно менее вероятны, чем предложенные В. В. Шеворошкиным.

Ранние исследователи карийского насчитывали в письменности Карии многие десятки знаков; естественно, что при таком положении вещей карийскую письменность нельзя было рассматривать как алфавитную, а приходилось рассматривать как слоговую; и это было чрезвычайно странно, учитывая большое внешнее сходство карийского письма с несомненно алфавитными письменностями соседних народов — греков, лидийцев и ликийцев. В 1950 г. впервые Хельмут Боссерт в личном сообщении другому ученому обратил внимание на то, что в единственной длинной карийской надписи из Кавна употреблено всего 27 знаков и что поэтому карийское письмо непременно должно быть алфавитным. Однако силою привычки исследователи и после 1950 г. продолжали, как правило, трактовать карийское письмо как слоговое, хотя кое-где уже раздавались голоса, что следовало бы рассмотреть, принадлежат ли действительно все карийские знаки и все карийские надписи к одной письменной системе, или же, — что более вероятно, — существовало несколько не вполне совпадавших между собой локальных систем (Л. Деруа, О. Массон).

В. В. Шеворошкин впервые распределил карийские надписи по группам в соответствии с местами их находки. Затем он выяснил наличие знаков в каждой из этих групп в отдельности. Оказалось, что ни в одной локальной группе надписей число употреблявшихся знаков не превышало 30; тем самым был с несомненностью доказан алфавитный характер карийского письма.

Далее оказалось, что целый ряд знаков встречается только во вполне определенных локальных группах; сопоставляя совпадающие отрезки надписей из различных локаль-

² О т к у п щ и к о в, ук. соч., стр. 3.

³ Работу некоторых из своих предшественников В. В. Шеворошкин характеризует довольно резкими словами, однако вполне заслуженно. Ф. Борк, например, внес чрезвычайно много вредной путаницы в изучение карийского, как, впрочем, и многих других древневосточных языков. В то же время В. В. Шеворошкин с большим уважением говорит о других своих предшественниках, а некоторых извлекает из полного забвения.

ных групп, различающиеся только одним каким-либо знаком, причем именно таким, который встречается только в одной из сопоставляемых локальных групп и не встречается во второй. В. В. Шеворошкин смог определить, что перед нами локальные вари-

анты написания одной и той же буквы. Так удалось выяснить, что **Г** и **Г** — не две раз-

ные буквы, а два локальных варианта одной и той же; точно так же **Х** и **Н**, **Г** и **Г** и многие другие. В результате ему удалось составить общекарыйский условный «нормальный» алфавит из 39 букв (Шеворошкин, ук. соч., табл. 5, стр. 190 сл.); в действительности отдельных букв в нем меньше, так как В. В. Шеворошкин из осторожности не свел некоторые варианты воедино, не имея вполне окончательного доказательства тождества этих вариантов. Это отчасти объясняется тем, что локальные алфавиты существовали не изолированно — наблюдалось взаимодействие между ними, и поэтому в отдельных случаях форма буквы, свойственная соседней долине Карики, попадала в надпись не своей локальной группы, и в результате дополнительная дистрибуция знаков в некоторых случаях проявляется не полностью⁴. Фактически же нужно отбросить еще 9—10 знаков в качестве аллографов других, более частых букв, так что общее число знаков нормального алфавита Карики окажется около 30, так же как и в каждой отдельно взятой локальной группе.

Ю. В. Откупщиков, главный критик В. В. Шеворошкина, в своей работе также оперирует понятием локальных групп надписей и локальных алфавитов, но нигде не указывает, что это понятие было введено и сами группы установлены именно В. В. Шеворошкиным. Из его работы создается впечатление, что либо наличие локальных групп карийских надписей является давно общепризнанным в науке явлением, либо они установлены самим Ю. В. Откупщиковым.

В. В. Шеворошкин совершенно оставил в стороне все прежние попытки чтения карийских текстов как методически ненадежные. Первым этапом дешифровки, произведенной им, было разделение букв на гласные и согласные. Еще ранее Б. В. Сухотиным была предложена методика разделения гласных и согласных на электронной вычислительной машине, а затем В. В. Шеворошкиным была разработана такая же, но более простая методика, не требующая машины. Принципы ее изложены на стр. 160—163 его книги. Наиболее важный момент заключается в том, что если из текста выписать все сочетания из трех букв (например *дорога* — *дор, оро, рог, ога* и т. п.), и затем разместить все тройки, содержащие одну и ту же среднюю букву, в столбец, то если средняя буква — гласная, по краям будут встречаться чаще согласные, чем гласные, так как две гласные рядом встречаются в большинстве языков сравнительно редко. Напротив, там, где средняя буква тройки — согласная, по краям примерно одинаково часто будут встречаться как согласные, так и гласные. Таким образом, можно выделить две группы букв. К одному классу будут отнесены буквы, находящиеся в середине тройки, которые, как правило, не будут иметь букв того же класса по краям, к другой — буквы, которые не дают такого распределения. При этом, поскольку гласных в большинстве языков меньше, чем согласных, постольку число букв, попадающих в первый класс, будет меньше, чем попадающих во второй. Это и позволит определить буквы первого класса как гласные. Метод этот — не абсолютный, так как частота и характер распределения некоторых согласных могут оказаться сходными с наблюдаемыми для некоторых гласных; однако примерно более чем в 75% случаев можно рассчитывать на правильный результат.

Когда В. В. Шеворошкин проделал такую разбивку карийских текстов по тройкам, то выяснилось, что буквы **А, 9, Е, О, 4, V** очень редко встречаются по краям троек, если в центре тройки — одна из этих же букв; а так как именно для гласных характерно, что они сравнительно редко встречаются по две рядом, то можно было сделать вы-

вод, что перечисленные буквы — гласные. Но **А, Е, О, V** и по форме совпадали с гласными буквами у соседних народов; буквы **4, П** встречались вместо греческой буквы **ε** в греческих надписях, помещенных рядом с карийскими в Абу-Симбеле в Египте и, видимо, составленных грекоязычными наемниками-карийцами. Очевидно, эта замена букв **ε** является примером весьма обычной ошибки: всякий получавший письма из заграницы, знает, как часто автор письма, выписывая адрес русскими буквами, невольно ставит то и дело латинскую букву вместо однозначной с нею, но иной по форме

⁴ В других случаях, несмотря на дополнительную дистрибуцию знаков по отдельным локальным алфавитам, не удалось найти идентичных сегментов текста, где в одном локальном алфавите употреблялся бы один знак, а в другом — другой, находящийся с первым в дополнительной дистрибуции.

русской. Наконец, буква φ была уже раньше по ряду соображений отождествлена исследователями как i .

Однако автор не ограничился простым отождествлением значения данных букв по их форме. Используя имеющиеся сводки карийских собственных имен, сохранившихся в греческой передаче, он выяснил частотность встречающихся в них гласных. Оказалось, что частотность a была наибольшей; и то же было верно в отношении букв

вы A карийского алфавита; почти полностью совпала частотность o в греческих передачах и $\bigcirc$ в надписях, e в греческих передачах и Φ в надписях; сложнее обстояло дело с другими гласными, так как оказалось, что в греческих передачах одинаково передавались разные, фонетически близкие карийские гласные. Однако путем сопоставления ряда данных все гласные удалось отождествить с достаточной степенью убедительности; в дальнейшем, по-видимому, будут возможны лишь незначительные поправки.

Еще сложнее обстояло дело с отождествлением согласных. Для карийских имен в греческой передаче характерна частотность: m — 5%, s — 7% и n — 5%; из графически схожих карийских букв M дало 3,3%, M — 7% и N — 5,6%, поэтому данные буквы могли быть отождествлены как m , s и n соответственно. Но большинство согласных очень близки между собой по своей частотности, и здесь В. В. Шеворошкин пришлось прибегнуть, наряду с проверкой по частотности, также и к другим приемам.

Так, буква Σ встречалась в греческой надписи из Абу-Симбела, соседствующей с карийской надписью и высеченной в тот же самый день, вместо греч. χ ; написание

$\Delta A F N A \Phi$ чередовалось с $\Delta A F \chi A \Phi$, что позволило отождествить знак χ как букву для фонемы типа n , а эта буква при учете локальных алфавитов оказывает

ся в дополнительном распределении с Π, Ξ , причем последняя буква используется для η также в соседнем ликийском алфавите. Мы не будем подробно следовать за автором в его анализе согласного состава карийского алфавита, подчеркнем лишь, что его отождествления, как общее правило, вполне убедительны. При этом в подавляющем большинстве случаев форма знаков оказалась аналогичной форме соответствующих по значению букв финикийского, архаического греческого, а также соседних лидийского и ликийского алфавитов; исключение составили лишь некоторые буквы, введенные для специфически карийских фонем, но и их начертания в большинстве случаев имеют аналогии в других алфавитах Малой Азии и при этом часто являются достаточно очевидным графическим развитием букв, используемых для акустически сходных фонем.

Надо отметить, что здесь В. В. Шеворошкин допустил одну методическую ошибку. Забегая вперед с целью подтвердить правильность предлагаемых им чтений, он тут же приводит этимологические аналогии для прочтенных им карийских имен из древне-анатолийских языков Малой Азии; тем самым создается ложное впечатление, будто чтение в ряде случаев основано на аналогиях, а не на внутреннем анализе самого текста, для которого в действительности этимологические аналогии служат в большинстве случаев только иллюстрацией⁵.

Предложенный В. В. Шеворошкиным метод выявления гласных и согласных в неизвестном алфавите уже нашел успешное применение в работах других дешифровщиков. В числе прочих его применил Ю. В. Откупщиков, однако не совсем правильно усвоив этот метод⁶ и не указав, что автором метода является В. В. Шеворошкин. В отношении гласного или согласного характера букв Ю. В. Откупщиков приходит к

⁵ Вряд ли справедливо спорит автор на стр. 206 против известного положения И. Фридриха о том, что «из ничего нельзя ничего дешифровать», другими словами, что ни одна дешифровка не может быть завершена без привлечения внешних по отношению к изучаемым текстам данных. Объективным методом, как показал В. В. Шеворошкин, можно разделить в неизвестной письменности гласные от согласных, но едва ли ему удалось бы отождествление звукового эквивалента каждой буквы карийского письма по отдельности, если бы на помощь не пришли и сопоставления с другими родственными алфавитами, и в особенности сопоставления с записью карийских лексем греческим письмом, сыгравшие роль псевдобилингвы.

⁶ Так, Ю. В. Откупщиков полагает, что в окружении гласных будет больше разных знаков, чем в окружении согласных, что неверно, так как в окружении согласных могут быть как гласные, так и согласные, а в окружении гласных — преимущественно (но не исключительно) согласные; он ошибочно полагает также, что столбцы с тройками, где гласный в середине, должны оказаться длиннее других и т. п.

другим результатам, чем В. В. Шеворошкин, только в двух случаях: то, что В. В. Шеворошкин читает как согласные *p* и *λ*, Ю. В. Откупщиков читает как гласные *u* и *o*; однако, как мы увидим, прав В. В. Шеворошкин; дело тут в неправильном применении методики В. В. Шеворошкина Ю. В. Откупщиковым.

Переходя к выявлению строения карийских слов и формантов, В. В. Шеворошкин то, что прежние дешифровщики проделывали интуитивно, формулирует в виде строгих правил, позволяющих в непонятном и даже нечитаемом тексте (обозначив знаки любими, например, числовыми символами) вполне объективно отделить значащую часть слов от формантных частей, а также отделить форманты именные от глагольных. Но так как у В. В. Шеворошкина чтение букв уже выяснено, то он может в данной главе не только указать, какие буквы и буквосочетания выражают именные и глагольные форманты, но и прочесть звучание этих формантов. Выясняется, что в имени различались именительный падеж на нуль, притяжательная форма на *-λ* и отложительный падеж на *-z*, а также элементы *-t*, *-p*, *-he*, которые автор считает энклитиками. Далее, выявляются глагольные окончания на *-s* (*-os*, *-nos*, *-nsos*, *-as*, *-sas*, *-es*), на *-t* (*-tsot*, *-sot*, *-lot*, *-et*), на *-odo*, на *-i* и *-li*, на *-er*, *-Er*, *-r*, *-ur*. Эти окончания вполне аналогичны встречающимся в древнеанатолийских языках, в частности, в хеттском, лувийском, ликийском и других.

Вывод этот отлично подтверждается тем фактом, что многие, если не большинство карийских имен, сохранившихся в греческой передаче, как уже было продемонстрировано рядом исследователей, прекрасно этимологизируются как древнеанатолийские.

Далее автор переходит к этимологическому анализу имен собственных, которые составляют основное содержание карийских надписей. Как известно, это в большинстве либо подробные надписи, либо имена карийских наемников, которые они по дурной привычке многих туристов чертили на скалах и древних памятниках Египта.

Многие предлагаемые В. В. Шеворошкиным этимологии не показались мне убедительными⁷; и тем не менее среди них есть несколько совершенно бесспорных, а сопоставление этого факта с наличием среди сохранившихся в греческой записи имен собственных значительного числа имен, столь же бесспорно этимологизируемых из древнеанатолийских языков, делает, с моей точки зрения, тезис В. В. Шеворошкина о древнеанатолийской языковой принадлежности карийского полностью доказанным.

Переходя к определению места карийского среди других древнеанатолийских языков, В. В. Шеворошкин показывает, что карийский не только принадлежит к этой ветви индоевропейской семьи (в частности, в карийском представлены все основные древнеанатолийские префиксы), но и к одной подгруппе с хеттским и лидийским, противостоя ликийскому, лувийскому и другим, и что ближе всего карийский стоит к хеттскому клинописному. Это демонстрируется, например, на близком совпадении карийской фонологической системы, как она выявилась при дешифровке, — с лидийской; карийских глагольных словообразовательных аффиксов — с хеттскими и лидийскими; окончание 3 л. ед. числа совпадает с хеттским, — но не с лувийским — в настоящем и прошедшем времени, и то же, по-видимому, верно в отношении 1 лица (формы глагола в других лицах не сохранились); образование причастий сходно с хеттским и лидийским; с хеттским и лидийским, но не с лувийским и ликийским, совпадает карийский по образованию притяжательной формы имени, аблатива, а возможно, и других падежных форм. Менее надежны лексические сопоставления (прежде всего потому, что не всегда вполне надежны этимологии имен собственных), однако, выявляется около десятка основ, бесспорно совпадающих с другими древнеанатолийскими языками. Особенно характерно слово *iula*, по-видимому, «делающий (?)», при лидийском и хеттском *iλ-* «делать», по *ai-* в лувийской группе (карийскому *iula* соответствует лувийское *ai(a)wala-*).

Особенно важно подчеркнуть, что сопоставление карийских лексем с древнеанатолийскими автор старается вести не на основании приблизительных сходств, а на основании четко выявляемых и строго выдерживаемых историко-фонетических рефлексов.

В заключение автор указывает на те перспективы, которые открывает изучение карийского языка для таких проблем, как вопрос о древнеанатолийском заселении Греции до прихода греков, вопрос о маршруте и дате появления хетто-лувийцев в Малой Азии, вопрос о языке этрусков и троянцев и т. п. Все это — важнейшие вопросы истории древнего Востока и индоевропейской доистории, вопросы загадочные и не

⁷ Так, вряд ли может убедить анализ сегмента надписи № 15: *pdovuzhe*, который приводит автор к переводу «Пдов выбил» (стр. 187). Вообще стремление автора непременно расчленив в с е тексты на отдельные слова, а слова — на значащие и формантные морфемы, а также стремление дать хотя бы предположительную этимологию к а ж д о й выделенной карийской лексеме приводит к смещению вполне убедительного с весьма предположительным и сомнительным; целесообразнее было бы отделить явное и бесспорное от спорного и неясного; от этого убедительность книги В. В. Шеворошкина значительно выиграла бы.

сходящие с повестки дня науки. Будем надеяться, что крупнейшее открытие, каким нам представляется дешифровка, предложенная В. В. Шеворошкиным, позволит значительно продвинуться к разрешению этих труднейших проблем, так же как разработанная автором методика работы с недешифрованными алфавитными письменностями несомненно окажет благотворное влияние на дальнейшие исследования в области истории письма вообще⁸.

Следует особо коснуться проблемы происхождения карийской письменности. Здесь можно высказать некоторые существенные для истории и теории письма соображения.

Всякий, кто будет просматривать хрестоматию текстов, приложенных к книге В. В. Шеворошкина, заметит, что многие буквосочетания в его транскрипции состоят из одних или, во всяком случае, из множества согласных: *kmvoskhl*, *kduapv*, *lsñ*, *slg*, *keglpusas*, *kphe*, *mgkññ* и т. п. Некоторые из этих сочетаний автор выделяет как «консонантные написания» и подчеркивает жирной чертой; в других случаях он указывает на пропуск гласного; например, в ряде случаев указывается, что написания *msn*-, *msnal*, *msnr* являются сокращением также засвидетельствованных написаний *mesn*-, *mesnal*, *mesnar*, а *slra* — сокращением написания *slara* и т. п. Однако что такое «консонантные написания»? Откуда они взялись и чем обусловлены? Вправе ли мы постулировать такие написания, и не ставят ли они под сомнение самую дешифровку? Что это за сокращения — графический ли это прием, или фонетическое явление? Все эти вопросы в книге В. В. Шеворошкина четко не поставлены; он касается их только попутно, а они заслуживали бы специального рассмотрения в особой главе или разделе книги.

Между тем с точки зрения истории письма эти написания несколько не обеспечивают дешифровки, предложенной автором, так как находят себе очень четкое объяснение. Однако это объяснение заставляет взглянуть на происхождение карийской письменности несколько иначе, чем предполагает автор.

Как известно, все малоазиатские алфавиты считаются восходящими к раннегреческому. Наиболее древние малоазиатские тексты — например, те же карийские, а также фригийские — восходят к VIII в. до н. э. Древнейшие греческие надписи также датируются VIII в. до н. э., но не без основания предполагается, что письменность была заимствована греками у финикийцев раньше, — по-видимому, в IX в. до н. э.

Что представляла собой исходная письменность — финикийская? Обычно дело излагается следующим образом: это было консонантное письмо, в котором имелись буквы только для согласных. Некоторые буквы, а именно, употреблявшиеся для согласных *h*, *w* и *j*, использовались также для обозначения дифтонгов, а затем и долгих гласных как дифтонжного, так и другого происхождения. Эти так называемые *matres lectionis* носили, однако, факультативный характер: вполне можно было написать сло-

⁸ Несколько критических замечаний к книге В. В. Шеворошкина. Очень неудобно, что автор не выдерживает в своих таблицах одного и того же порядка знаков, что затрудняет сопоставление различных таблиц. Не всегда одинаковы ссылки на надписи — иногда автор указывает номер по собственной и по предшествующей публикации, иногда только по предшествующей. В приложенной хрестоматии текстов чувствуется недостаточная эпиграфическая опытность автора: взаимное расположение и индивидуальные особенности знаков не во всех случаях воспроизведены с той абсолютной, фотографической точностью, которая требуется в подобных прорисовках. Когда автор обращается к языкам и письменностям, лежащим за пределами круга его непосредственной специальности, часто ощущается, что ему не доставало компетентных консультаций (ср. транскрипции египетских и арамейских слов на стр. 62, 68, 70, 181, семитские корни на стр. 216, 217, 301). Совершенно ни к чему для определения значения карийской лексемы привлекать этимологические аналогии (через В. М. Иллич-Свитыча) из эскимосского и мероитского языков (к тому же и дешифровка мероитских текстов еще весьма ненадежна — стр. 231). Почему греческое слово *Δέλεες* надо рассматривать как «догреческое»? В древнеанатолийские языки оно попало из хурритского и, несомненно, должно и в греческом рассматриваться не как субстратное, а как заимствованное (стр. 248). Писидийское имя *Aparsamēs*, — очевидно, иранского, а не древнеанатолийского происхождения (стр. 252); хатск. *kate* «царь» вряд ли имеет отношение к названию г. Хатти (стр. 255), а топоним *Ninwa* — не анатолийский, а видимо, хурритский (= Ниневия, стр. 257); в хеттских памятниках не сохранилось топонима *Karkha* («Кария») — есть только *Karkisa* (стр. 287). С точки зрения клинописной графики крайне маловероятно предположение, будто хеттское графическое *-a* могло передавать [o-] (стр. 289). Структура СГСГСГ-графического текста в критской «линейной А» письменности не обязательно говорит о такой же структуре слогов критской речи, поскольку ту же графическую структуру имеет и «хеттский (лувийский) иероглифический» текст, между тем в лувийском языке часто встречались и последовательности СГСГСГ, и т. п. (стр. 203): дело тут в том, что знак типа С + Г мог использоваться также в значении С + нуль.

во, содержащее долгое $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{e}$, $\bar{i}$ или $\bar{u}$ также и без *matres lectionis*, обозначая буквами только согласные. Так описывается древнефиникийское письмо в большинстве пособий.

Сами финикийцы воспринимали, однако, свое письмо несколько иначе. Как доказал И. Гелб⁹, финикийцы, живя в окружении народов, пользовавшихся слоговыми и словесно-слоговыми системами письма, воспринимали и свое письмо как слоговое; а именно, скажем, знак *B* воспринимался ими как слоговой знак, обозначающий открытый слог с произвольным гласным; при этом, точно так же как в минойских и кипрских слоговых системах письма, согласный + нулевой гласный не имел особого обозначения, а обозначался соответственным знаком для открытого слога. Иначе говоря, знак *B* был не буквенным знаком для фонемы $[b]$, а слоговым знаком с чтением *ba-*, *be-*, *bi-*, *bo-*, *bu-* и *be-*. В важных случаях огласовка в факультативном порядке могла подсказываться с помощью *matres lectionis* (как это делалось и в аккадской словесно-слоговой письменности, откуда этот прием, очевидно, и был заимствован); однако, за редчайшими исключениями, так обозначались только долгие гласные.

Греки, восприняв финикийский алфавит, позже усовершенствовали его. Они использовали лишние, с точки зрения своей собственной фонетики, буквы в качестве *matres lectionis* не только для долгих, но для всех гласных и при этом сделали *matres lectionis* не факультативными, а обязательными.

Однако необходимо предположить, что эта реформа произошла не сразу. Сначала греки должны были просто применить финикийское письмо к своему языку без изменений, вместе со всеми правилами орфографии, выработанными финикийцами. Действительно, формальной переработки финикийского алфавита греки не произвели: в отличие от малоазийских алфавитов, которые уже сильно отличаются от прототипа, древнейший греческий алфавит даже по форме знаков полностью совпадает с финикийским, не более отличаясь, скажем, от местного финикийского алфавита Сидона, чем этот последний — от местного финикийского алфавита Тира или Библа. Дополнительные буквы, стоящие ныне в конце греческой азбуки — Φ , χ , Ψ , Ω , тогда еще отсутствовали¹⁰, Υ был лишь разновидностью Γ (w), и были даже сохранены буквы для отсутствовавших в греческом согласных q и (t) s (коппа φ и сампи ψ). А это значит,

что если вся система финикийского письма была сначала воспринята греками без изменения, то и *matres lectionis* должны были на самом первом этапе развития греческого письма иметь тот же характер, что и в финикийском, т. е. иметь факультативное применение.

Это гипотетически реконструируемое для греческого письма положение реально и наблюдается в карийском в виде «консонантных» и «сокращенных» написаний. В разделе, посвященном происхождению карийской письменности, В. В. Шеворошкин показал, что карийское письмо ближе всего к самым архаическим греческим алфавитным письмам Крита и отчасти Феры и Мелоса, засвидетельствованным надписями второй половины VIII в. до н. э. Однако не следует думать о заимствовании карийцами письменности с Крита именно в это время. Автор указывает, что наиболее ранние карийские надписи сохранили некоторые формы знаков, которые являются более архаичными даже по сравнению с самыми ранними алфавитными письмами Крита. Такая «открытая коппа» (с чтением i) из Вадии Хальфы, которая показывает, что карийская буква i лишь позже совпала по форме с греческой коппой, так как ее древнейшая форма была более близка к финикийскому $j\bar{o}d$, чем все даже самые древние из засвидетельствованных форм греческой поты. То же верно и в отношении формы карийской коппы и ее соотношения с финикийским $k\bar{a}r$ и греческой коппой, и т. п. Тем не менее характер всей системы карийского алфавита показывает, что не может быть и речи об его заимствовании прямо из финикийского, минуя греческое посредство.

Поэтому мне представляется несомненным, что карийская письменность была создана раньше самых ранних из дошедших алфавитных надписей Крита и Феры, на базе первоначальной, не дошедшей до нас формы греческого алфавита, которая еще сохраняла от своего финикийского предка факультативность обозначения гласных. Пропуск гласных на письме даже в тех случаях, когда мы не имеем в карийской надписи чистого консонантного написания, легко объясняется тем, что буквы z а у ч и в а л и с ь как слоги; известной аналогией может в наше время служить характерная детская ошибка: если ребенка учить называть букву b «бы», то он часто напишет слово, например, «бык» как $b\bar{y}$ — всякий, кто занимался с первоклассниками, прекрасно знает эту частую ошибку. Однако в случае карийского письма дело идет не просто о повторяющейся орфографической ошибке — факультативность написания части гласных (очевидно, кратких безударных) с а м а является орфографическим пра-

⁹ I. J. Gelb, A Study of Writing. Revised ed., 1963, стр. 147—153.

¹⁰ Буква Ξ существовала, но, по-видимому, первоначально имела, как и в финикийском, значение s или воспринималась как вариант Z (z).

вилом карийской письменности, которое может быть объяснено только из общей истории возникновения алфавитного письма ¹¹.

Таково происхождение графических скоплений согласных в карийском письме. Характерно, что почти такое же явление скопления согласных букв наблюдается и в соседних письменностях ликийцев и лидийцев. Поскольку чтение карийских букв установлено достаточно объективным методом, постольку отказаться от этого чтения из-за наличия подобных скоплений невозможно. Но, как я постарался показать, смущать это нас не должно: теоретически таково и должно было быть алфавитное письмо вскоре после его заимствования греками (а от них — карийцами) у финикийцев.

Что касается правильности прочтения этих скоплений согласных В. В. Шеворошкиным, то оно блестяще подтверждается тем, что одно из самых, казалось бы, невероятных скоплений — *kmvdχsbū* ¹² — оказывается карийским именем собственным, четко засвидетельствованным в греческой передаче и имеющим вполне удовлетворительную древнеанатолийскую этимологию: *Kombakhasboē* (т. е. [*Komvda-χasboē]) ¹³.

В отношении даваемых В. В. Шеворошкиным чтений и транслитераций карийских букв хотелось бы предложить некоторые усовершенствования. Как явствует из изложения автора, и знак □, и знак □, ▢ ¹⁴ передавали совершенно однородные дифтонги

или трифтонги, один на базе *i*, другой на базе *u*; оба могли также служить для передачи глайда соответствующего типа между двумя гласными. В. В. Шеворошкин транслитерирует первый знак как *ə*, а второй как *ū*, *ū*. Целесообразно было бы ввести однородную транслитерацию, например, *i* и *ū*, *ū*, или *i(i)ə* и *o(u)ə*, или *j* и *w*, *w*. Учитывая достаточно убедительное толкование В. В. Шеворошкиным характера фонем, скрывающихся за знаками □, ▢ и Е, М, III, предпочтительнее было бы вместо транслитерации *e*, *e*₁ для первых и простого воспроизведения знака для последних пользоваться транслитерацией *æ*, *æ*₁ или *ā*, *ā*₁ для первой и *e*, *e*₁, *e*₂ для второй группы, или же перенести символ *ə* на одну из этих групп. Имея в виду дополнительную дистрибуцию знаков

Х и Н, Э, вряд ли целесообразно транслитерировать их по-разному (*ñ* и *ν*) — луч-

¹¹ Характерны особо частые случаи написаний с опущенными гласными буквами в сегментах, где присутствуют, с одной стороны, взрывные согласные, которые нельзя отдельно произнести без гласного, а с другой — сонорные. Следует обратить внимание на вывод автора о том, что в карийском не было слов с начальным *r*-. Это действительно вытекает из греческих записей карийских имен собственных, однако этому выводу, казалось бы, явно противоречит то, что в карийских надписях есть слова, начинающиеся с *r*-, а именно, *ra*-, *rab*-, *rav*- и *ra*- (точнее *riā*-). Все они, по В. В. Шеворошкину, этимологизируются как начинающиеся с группы *ar*-; однако он не останавливается на причине такого написания; он молчаливо исходит из того, что начальное *r*- имеет чисто графический характер и не пытается ни доказать, ни объяснить это явление. Воспринимать начальное *r*- как слогаобразующий сонант **r*- в этих примерах, конечно, нельзя. Очевидно, и это явление объясняется слоговым характером карийских букв, причем надо думать, что в отличие от несогласных букв сонорные могли выражать не только сочетание С(огласный) + Г(ласный), но и сочетание Г(ласный) + С(огласный). Это подтверждается положением в этрусском языке и письме. Можно считать доказанным, что этруски называли буквы слогами типа *Se*, поэтому и мы сейчас называем латинские буквы *b*, *t* «бэ», «тэ»; но сонорные буквы этруски называли слогами типа *eC*, поэтому и мы сейчас называем буквы *l*, *m*, *n* «эль», «эм», «эн». Особое слоговое произношение имели в этрусском буквы *c*, *k* и *q*: они представляли не слоговые знаки с произвольным гласным, а различались в зависимости от того, какой гласный следовал за согласным, и назывались, — а порой, может быть, и читались в тексте — [ke/i], [ka], [ku], поэтому и сейчас мы называем эти буквы «цэ», «ка», «ку». Однако поскольку в карийском особые буквы для лабиализованных согласных не было (Ш е в о р о ш к и н, ук. соч., стр. 182), постольку последнего явления здесь не наблюдалось.

¹² *ū* — дифтонг [o(u)ə], могущий графически также передавать *-w* (*-u*) между гласными.

¹³ Напротив, предлагаемые Ю. В. Откупщиковым чтения, в которых он в ряде случаев ради «благозвучия» пытается заменить согласные чтения В. В. Шеворошкина гласными чтениями, вряд ли могут быть приняты лингвистами и историками письма. Таковы его чтения *uōoz* (вместо *uloz* у В. В. Шеворошкина), *smnadiō* (вместо *smnal-p* у В. В. Шеворошкина); приложив чтения Ю. В. Откупщикова к тем из карийских надписей, которые не цитируются в его работе, получим множество таких следований, как *-uōo-*, *-ōōo-*, *ōōa-*, *-adiō-* и т. д., и т. п.

¹⁴ Эти знаки, как указал В. В. Шеворошкин, являются в карийской письменности графическими новообразованиями на базе соответственно □ (*i*) и ○ (*o*).

ше было бы обозначить их как $\bar{n}$ и $\bar{n}_1$. Точно так же $\uparrow, \uparrow, \dot{\uparrow}$ (и $\mathbf{T}$?) желательно было бы обозначать одним символом τ , различая только цифровыми индексами.

Поскольку результаты работы В. В. Шеворошкина по дешифровке карийской письменности были подвергнуты серьезному сомнению в работе Ю. В. Откупщикова, который предложил собственную интерпретацию карийских надписей, целесообразно остановиться и на этой работе.

Главное возражение Ю. В. Откупщикова против дешифровки В. В. Шеворошкина заключается в том, что карийские тексты в интерпретации последнего неудобочитаемы. Своей задачей он считает прочесть карийские тексты так, чтобы они «читались», т. е. были бы благозвучны. В действительности задача, конечно, состоит в том, чтобы тексты имели смысл, а обнаруживаемый ими язык занял бы определенное место среди других известных языков. Что касается удобочитаемости текста, то ведь и арабский текст, транслитерированный буква за буквой, окажется неудобочитаемым; все дело в выявлении п р а в и л написания и чтения.

Свои принципы подхода к дешифровке Ю. В. Откупщиков изложил на стр. 6. Из этих принципов одни самоочевидны для всякого филолога, а другие не могут быть признаны методически правильными.

Во-первых, Ю. В. Откупщиков отмечает: «Карийское письмо является чисто буквенным. Консонантная запись исключается, поскольку в карийских алфавитах имеется большое количество гласных, а анализ карийских имен в греческой передаче показывает, что карийский язык был *vokalreich* (В. Бранденштейн)». То, что карийское письмо является чисто буквенным, Ю. В. Откупщиков считает доказанным Боссертом и Менцом. Однако Боссерт только высказал эту мысль¹⁵ и ничего не доказывал, а дешифровка Менца носила столь фантастический характер, что никто и принял и не мог принять ее всерьез. И после Боссерта и Менца исследователи продолжали рассматривать карийское письмо как слоговое; его буквенный характер доказал только В. В. Шеворошкин; что же касается того, что карийский язык был богат гласными¹⁶, то таковы же и семитские языки, в частности арабский, обладающий к тому же и средствами выражать гласные, что, однако, несколько не исключает консонантной записи текста.

Во-вторых, Ю. В. Откупщиков говорит: «Идентификация знаков производится на базе самих текстов, а не на основе „этимологических“ сопоставлений с другими языками. Никаких предварительных гипотез и „чтений“ до окончательной идентификации знаков». Требование, само собой разумеющееся для всякой серьезной дешифровки. Как мы видели, именно так действовал В. В. Шеворошкин. Однако у Ю. В. Откупщикова с самого начала имеется уже ряд предварительных гипотез: 1) алфавитный характер письма, 2) невозможность консонантной записи, 3) принципиальное совпадение карийских букв с греческими. В пункте 9 своих принципиальных положений Ю. В. Откупщиков пишет: «Совершенно очевидно, что все наиболее убедительные идентификации карийских знаков находят свою поддержку в полном или (реже) частичном совпадении их формы со знаками греческого алфавита. Поэтому форме карийских знаков, их сопоставлению со знаками архаических греческих алфавитов¹⁷ также должно быть уделено большое внимание». Но это как раз и есть «предварительная гипотеза» и «чтение» «до окончательной идентификации знаков». В самом деле, почему идентификация должна производиться с буквами именно греческого, а не других соседних алфавитов, например ликийского и лидийского, в той же Малой Азии, на границах Кари? Правда, Ю. В. Откупщиков дальше пишет (стр. 7), что «правильные идентификации предшественников... были приняты мной после соответствующей проверки». Однако из дальнейшего видно, что эта проверка заключалась только в повторении опыта В. В. Шеворошкина (без ссылки на его авторство) по отделению гласных от согласных методом троек. Этот метод, как мы уже отмечали, Ю. В. Откупщиков применил с ошибками. К этому методу Ю. В. Откупщиков прибавил еще, для определения харак-

¹⁵ Да и то по поводу кавского письма, которое сам Ю. В. Откупщиков не считает карийским (стр. 26 сл.).

¹⁶ Мнение В. Бранденштейна объясняется преимущественно тем, что он не учел невозможность передачи *w* и *j* греческим алфавитом (они передаются как *ω*, *ο*, *υ* и *ι*) и доказанного позже А. Хойбеком наличия слогаобразующих сонантов в карийском, которые в греческой записи передавались сочетаниями сонорного с гласным.

¹⁷ Под ними, как видно из дальнейшего, Ю. В. Откупщиков понимает преимущественно алфавит греческих надписей VI—V вв. до н. э. (или, чаще всего, отдельные отклонения от обычных написаний характерные для этих надписей букв). Так как большинство карийских надписей Африки относятся к VII—VI и даже к VIII в. до н. э., а сложение карийского алфавита относится самое позднее к VIII в. до н. э., то весьма сомнительно, могут ли греческие надписи, составленные двумя-тремя столетиями позже, бросить какой-либо свет на генезис карийских букв.

терной сочетаемости знаков, метод двоек, однако в этом не было особой нужды, так как сочетаемость знаков достаточно ясна уже и при применении метода троек.

При сопоставлении форм карийских знаков с греческими буквами Ю. В. Откупщиков упустил из виду, что карийские надписи пишутся как справа налево, так и слева направо, и поэтому зеркальные формы знаков (Γ и Γ , Δ и Δ) нельзя рассматри-

вать как разные буквы.

Далее, автор сообщает (пункт 3), что он взял за основу для исследования не все вообще карийские надписи, а только надписи карийцев, сделанные в Египте, ввиду якобы большей древности и однородности этой группы надписей (последняя, т. е. однородность, ничем, впрочем, не доказывается, а приведенная Ю. В. Откупщиковым таблица знаков демонстрирует, напротив, весьма значительную графическую неоднородность изучаемых текстов)¹⁸. Но этим Ю. В. Откупщиков значительно сократил уже и без того крайне скудный корпус исходных текстов для исследования, а тем самым сделал и выводы менее достоверными. Без проверки результатов его дешифровки по всему корпусу текстов эти выводы не могут считаться доказательными. К тому же, и из 85 текстов, найденных в Египте, Ю. В. Откупщиков приводит только 24 и касается еще 3 надписей из собственно Карики (из общего числа 21). Все эти надписи содержат всего по два — три слова. Ясно, что такое произвольное сокращение используемого материала никак не может быть оправдано.

Остальные пункты принципиальных положений Ю. В. Откупщикова сводятся к требованиям не вносить произвольных поправок в сохранившийся текст (пункт 4), исходить из фотокопий или возможно более проверенных прорисовок надписей (пункт 5)¹⁹, исследовать сначала часто встречающиеся, а затем уже редкие знаки (поскольку последние могут оказаться вариантами, пункт 6), исследовать случаи вариантных и дублетных написаний и случаи непреднамеренного применения карийских букв в греческих надписях (пункты 7 и 8) и проверять установление идентификации знаков с помощью различных формальных методов (пункт 10), под которыми, как видно из дальнейшего, он фактически понимает методы, разработанные для карийского письма В. В. Шеворошкиным с некоторыми малосущественными дополнениями (и искажениями).

Из этих пунктов надо особо обратить внимание на пункт 6: «Отбор и идентификация основных, т. е. наиболее часто встречающихся, знаков. Знаки, встречающиеся лишь в единичных случаях, за некоторыми исключениями исследуются после идентификации основных знаков». Здесь следовало бы поставить задачу выработки объективного метода отождествления аллографических вариантов одного и того же знака, что и было успешно сделано В. В. Шеворошкиным, который таким способом установил карийские локальные алфавиты. Однако Ю. В. Откупщиков, хотя и оперирует без ссылки на В. В. Шеворошкина понятием локальных алфавитов, но отбор «основных» и «неосновных» форм знаков производит чисто субъективным путем²⁰. Само собой

¹⁸ В частности, по мнению Ю. В. Откупщикова (см. таблицу в его брошюре), буква th принимала столь различные формы, как $\oplus$ и Σ , буква t — Δ и T и т. д.

¹⁹ Этого своего требования Ю. В. Откупщиков не выдерживает. Так, он принимает условный знак $\parallel$, которым В. В. Шеворошкин отмечает в своей хрестоматии перенос длинной строки оригинальной надписи, не уместившейся в формат книги, за знак словораздела, имеющийся в самой надписи (стр. 8)! Этим он показывает, что пользовался не первоизданиями, а хрестоматией В. В. Шеворошкина.

²⁰ При этом он, никак не объясняя этого, признает букву Σ (θ по В. В. Шеворошкину) за вариант буквы $\oplus$ (t по В. В. Шеворошкину). Между тем эти знаки не находятся в дополнительном распределении и не могут быть возведены к единому графическому прототипу ($\oplus$ восходит к финик. $tēt$, а Σ — к финик. $tāw$). То же касается знака Δ (t по В. В. Шеворошкину, графическое развитие дельты Δ) и знака T , $\uparrow$, $\dot{\uparrow}$

(t по В. В. Шеворошкину греч. сампи Φ , финик. $šādē$) и др. При этом он не замечает,

что транскрипция θ для Σ по В. В. Шеворошкину вовсе не означает отождествления этой буквы с греч. тэтой — это всего лишь транслитерационный знак, означающий, что данная буква относится к группе звуков типа $t - d$ без уточнения ее действительного фонетического характера; точно так же и транскрипция t для карийских вариантов сампи вовсе не означает отождествления сампи с тау; по В. В. Шеворошкину кар. t — звук типа русского «ть» или «ц».

разумеется, что частота и редкость отдельных форм знаков необязательно должна зависеть от того, что частые формы — основные, а редкие — варианты: в одной местности и в одном пошибе одна форма может оказаться редкой, а другая — частой, в то время как именно редкая форма может оказаться более древней и первоначальной и в то же время более частой в другой местности и в другом пошибе.

Ю. В. Откупщиков оспаривает «признанные идентификации» знаков в 11 случаях. Здесь следует сказать, что никаких «признанных идентификаций» в карийской письменности не было; обычно совершенно условно принимали для транслитерации явно невозможные идентификации Ф. Борка, которые Ю. В. Откупщиков, следуя и здесь за В. В. Шеворошкиным, даже и не рассматривает. Речь идет во всех случаях, кроме одного, об идентификациях В. В. Шеворошкина. Посмотрим, в чем заключаются расхождения результатов Откупщикова с результатами Шеворошкина.

1. Знак $\square$ В. В. Шеворошкин читает как $\dot{y}$, а Ю. В. Откупщиков отождествляет со знаком B и читает как $\bar{e}$, ei . Доказательство: 1) кар. I $\square$ lk (надпись III. № 52) и кар. I $\square$ lk (III. № 63) соответствует греч. $\Lambda\epsilon\lambda\epsilon\gamma\eta\varsigma$, следовательно, $\square \approx \epsilon$; 2) слово $\vee e$, выделенное в надписи III. № 14 «четкими знаками словораздела», чередуется с $\vee \square$ в надписи III. № 12. Однако странно, что один и тот же (по Ю. В. Откупщикову) звук передан в надписи III. № 63 двумя разными знаками в одном и том же слове; к тому же сопоставление этого слова именно с греческой его формой обусловлено только предвзятым мнением Ю. В. Откупщикова о родстве карийского с греческим; с тем же или большим успехом можно сопоставить это слово и с его хеттской формой — $lu-lahhi$, которая вполне объясняет, почему здесь употреблены два разных знака для гласных. Что касается примера с $\vee e$ и $\vee \square$, то, во-первых, нигде не видно, что это одно и то же слово²¹, а во-вторых, Ю. В. Откупщиков там, где ему это удобно, принимает знак словораздела за букву i , поэтому, с его же точки зрения, утверждать, что слово $\vee e$ выделено в надписи III. № 14 «четкими знаками словораздела», нельзя. Что касается сходства знака $\square$ с архаической греческой ϵ , то этот факт равно ничего не доказывает, тем более, что знак $\square$, $\square$ засвидетельствован в греческих надписях для ϵ и $\bar{e}$.

2. Знак P В. В. Шеворошкин идентифицирует как $\bar{a}$, а Ю. В. Откупщиков — как ei . Доказательство: знак P о х о ж на вариант $\square$. Слабость доказательства очевидна.

3. Знак C В. В. Шеворошкин (и почти все остальные исследователи) отождествляет как g , Ю. В. Откупщиков считает, что в некоторых надписях он является вариантом O (o). Аргументом Ю. В. Откупщиков считает только то обстоятельство, что такое чтение более благозвучно (и на этом основании произвольно читает C то как g , то как o). Кроме того, в надписи III. № 1 сегмент M C Y O H соответствует, по мнению Ю. В. Откупщикова, сегменту M A V O H в надписи III. № 18 (чередование $o : a$?). По

В. В. Шеворошкину, здесь одна и та же морфема $-kii$ соединена с разными корневыми морфемами. Оба объяснения допустимы, но мне кажется более вероятным объяснение В. В. Шеворошкина, так как он не приводит к допущению двух разных чтений (g и o) для одного и того же знака в одном и том же локальном алфавите.

4. Знак $\ominus$, $\oplus$ В. В. Шеворошкин идентифицирует как λ (палатализованное l), а Ю. В. Откупщиков — как долгое $\bar{o}$. Идентификация В. В. Шеворошкина основана на том факте, что буква $\oplus$ отождествляется методом троек как согласный; лишь затем В. В. Шеворошкин отмечает, что при чтении $\oplus = \lambda$ ряд имен собственных хорошо этимологизируется или даже просто совпадает с известными по греческим передачам. Доказательством того, что $\ominus$ есть $\bar{o}$, для Ю. В. Откупщикова служит, во-первых,

чередование сегментов OYXIOF (III. № 11) и OVXIOF ; Ю. В. Откупщиков не дает своего чтения этих сегментов, но считает, что как $\oplus$, так и $\ominus$ передают здесь один и тот же звук o ; однако разные написания одной и той же буквы в пределах одного слова крайне маловероятны; поскольку же речь идет об окончании, то предположительнее толкование В. В. Шеворошкина, согласно которому мы здесь имеем карийское имя собственное $luxze$, хорошо известное в греческой передаче как $\Lambda\beta\epsilon\eta\varsigma$, в двух

²¹ Ср. в русском тексте слова $до$ и $да$.

различных падежных формах. Во-вторых, Откупщиков указывает на аналогичный (и так же объясняющийся) случай в надписях Ш. № 59 и Ш. № 60; в-третьих, — на то, что в конце надписей Ш. № 16 и Ш. № 25 окончание притяжательной формы выражено окончанием -○ вместо -⊕²²; однако проверка оригинала надписи Ш. № 25 показала, что в тексте -⊕; в надписи же Ш. № 16 не -○, а неясное -⊖²³. В-четвертых, — пишет Откупщиков, «в поздних греческих надписях Кари и (с поворотом на 90°) в архаических надписях Греции» данным знаком выражается омега; кроме того, и «в греческих надписях из Кари» (более поздних! — И. Д.) засвидетельствована омега, похожая на знак ⊕. Наконец, «в одной греческой надписи из Кари (SIG, II, 2730) в карийском имени Οὐλιᾶδης на месте начального О стоит карийский знак ⊕» (разрядка Ю. В. Откупщикова). Однако имя Οὐλιᾶδης не карийское, но греческое, а форма букв более поздних греческих надписей к делу вовсе не относится. Внешнее сходство с некоторыми типами более поздней архаической греческой омеги вовсе еще не доказательно. К тому же исходная форма греч. омеги — ⊕. Что касается спорного карийского знака ⊕, ⊖, то для него исходная форма (опущенная в таблице Ю. В.

Откупщикова) — Φ; это — копна, финик. *qōp*, буква, оказавшаяся лишней с точки зрения карийской фонетики и использованная для фонемы, отсутствовавшей в греческом и финикийском. Ниже мы увидим, убедительны ли чтения карийских надписей в предположении отождествления знака ⊕, ⊖ с *ō*.

5. Знак Ⓜ все исследователи рассматривали как *r* (так, в частности, В. В. Шеворошкин) или *b*, а Ю. В. Откупщиков считает его вариантом *ō*. Он исходит из повторения сегментов $\text{Ⓜ}(\text{Ⓜ})\text{MNA}\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}(\text{Ⓜ}/\text{Ⓜ})$ в текстах Ш. № 57, 61, 66, 78 и 84 и сопоставления их с сегментом $\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}\text{MNA}\text{Ⓜ}$ в тексте Ш. № 74, где Ⓜ сходно с одним из

вариантов греч. архаического *o*²⁴. И это малоубедительно, так как мы можем иметь дело в этих сегментах с различными грамматическими формами одного и того же слова. Во всяком случае предлагаемое Ю. В. Откупщиковым для всех этих сегментов чтение *sempaōi(ō)*, *sempaōi(ō)* вряд ли найдет поддержку среди лингвистов; чтение В. В. Шеворошкина *mesnal-* кажется значительно более убедительным.

6. В. В. Шеворошкин (и большинство его предшественников) отождествляет знаки Ⓜ и Ⓜ как *s* и *m*; как мы видели, В. В. Шеворошкин обосновывает это сравнением частотности этих знаков с частотностью *s* и *m* в греческих передачах карийских имен. Ю. В. Откупщиков, напротив, отождествляет Ⓜ с *s*, а Ⓜ с *m*. Доказательство: 1) если принять прежнее чтение, то окажется, что в карийском нет звуко сочетаний *sm-* и *sk-*, но часты звуко сочетания *ms-* и *mk-*, что маловероятно; 2) сегменту $\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}$ (в ряде надписей) соответствует сегмент $(\text{Ⓜ}\text{Ⓜ})\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}$ в надписи Ш. № 96; причем в обоих случаях имя стоит в номинативе; 3) Σ и Ⓜ могут одновременно встречаться

в одном слове (Ш. № 79), но таких примеров на Σ и Ⓜ нет. (Впрочем, надо тут же заметить, что встречаемость двух разных форм знака в одном и том же слове в других случаях, как мы видели, отнюдь не мешала Ю. В. Откупщикову отождествлять эти знаки.) В действительности текст надписи Ш. № 79 в этом месте очень неясен, и утверждать, что он содержит греческую сигму, трудно. Что касается надписи Ш. № 96, то здесь Ю. В. Откупщиков производит неправильное словоделение: сегмент $\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}\text{Ⓜ}$ здесь не выделяется в отдельное слово. Как и в других случаях, он не

²² Здесь Ю. В. Откупщиков (стр. 10) цитирует В. В. Шеворошкина для доказательства того, что ⊕ чередуется с ⊕, а ⊕ с ○. Но у В. В. Шеворошкина (стр. 139 сл.) речь идет не о чередовании, а о неточности некоторых современных копий.

²³ Ю. В. Откупщиков указывает еще, что в надписи *F8b* (варианте надписи *F8a*) вместо знака ○ стоит знак ⊕. Но в действительности нет двух вариантов этой надписи, а лишь две записки одной и той же надписи; спорный знак — не ○ и не ⊕, а ϕ (*i*).

²⁴ В действительности речь, по-видимому, идет не о варианте написания омеги, а об омикроне, находящемся на краю текста и, по-видимому, случайно перечеркнутом царяпиной.

приводит своего чтения текста № 96; но, если пользоваться его таблицей отождествления карийских знаков, этот сегмент должен был бы читаться *-(ut)uōos*, что совершенно невероятно (при этом *u* было бы написано в одном слове двумя разными по форме знаками — ∇ и Υ).

Остается довод об отсутствии звуко сочетаний *sm-* и *sk-* в карийских надписях, — может быть, случайном.

7. Знак $\mathbf{H}, \mathbf{\Xi}$ В. В. Шеворошкин отождествляет как $\tilde{n}$, а Ю. В. Откупщиков — как *ks*. Доказательство: 1) он похож на греч. ξ ; 2) «Нам известны карийские имена на $-\xi$ (типа $\Sigma\kappa\lambda\alpha\xi$), а в двух карийских надписях (Ш. № 1 и 18) знак $\mathbf{H}$ стоит в конце слова. В конце слова, разумеется, могут стоять самые разные фонемы, а на $-\xi$ кончаются не карийские имена, а греческие передачи карийских имен — греки всем иностранным именам давали свое окончание номинатива, в данном случае $-s$ при основе *Skulak-*. Как известно, знак ξ относительно поздно приобрел значение *ks* в греческом алфавите и притом не во всех его локальных разновидностях; ожидать его в этом значении в столь архаическом алфавите, как карийский, трудно; вообще буквы *ks* (ξ) нет ни в одном малоазиатском алфавите. А уже если сравнивать с соседними алфавитами, то почему именно с греческим, а не с другим соседом — ликийским? В ликийском алфавите есть буква $\mathbf{\Xi}$ и читается она $\tilde{n}$. Но чтение $\tilde{n}$ для карийского $\mathbf{H}, \mathbf{\Xi}$ установлено В. В. Шеворошкиным не по сходству с ликийским, а исходя из фактов дополнительной дистрибуции $\mathbf{H}, \mathbf{\Xi}$ и $\mathbf{X}$ и из чередования как $\mathbf{H}, \mathbf{\Xi}$, так и $\mathbf{X}$ с $\mathbf{N}$ (особенно в формах).

8. Ю. В. Откупщиков считает знак $\mathbf{\nabla}$ (В. В. Шеворошкин: *b*) идентичным $\mathbf{I}, \mathbf{N}$ (*n*). Действительно, в текстах иной раз трудно различить «наклонное» и «ненаклонное» $\mathbf{I}$ ²⁵. Однако в ряде случаев чтение В. В. Шеворошкина ($\mathbf{\nabla} = b$) подтверждается столь точным совпадением с малоазиатскими именами, засвидетельствованными другими источниками, что не согласиться с ним трудно.

9. Знак $\mathbf{\nabla}$ В. В. Шеворошкин читает *p*, а Ю. В. Откупщиков — как вариант $\mathbf{\nabla}, \mathbf{\Upsilon}$, т. е. *u*. Доказательство: 1) в упоминавшемся уже сегменте $\mathbf{\Delta M N A \Theta \nabla}$ на месте $\mathbf{\nabla}$ стоит также $\mathbf{\nabla}$ и $\mathbf{\Upsilon}$. Ю. В. Откупщиков ссылается на тексты Ш. № 78, 83 и 84. Но в действительности в Ш. № 78 на конце $\mathbf{\nabla}$, а в Ш. № 83 и 84 — $\mathbf{\nabla}$ (*b*), по-видимому, случай чередования *p* : *b*; 2) знак $\mathbf{\nabla}$ засвидетельствован в качестве ипсилона в «одной из греческих надписей первой половины V (! — II. Д.) в. до н. э.». Напомним, однако, что речь идет о карийских надписях в основном VII в. до н. э. Следует отметить, что наиболее архаическая форма карийской буквы $\mathbf{\nabla}$ (не отмеченная в таблице Ю. В. Откупщикова) — $\mathbf{\nabla}$, явно развитие финик. *pē* и греч. π .

Таким образом, доводы Ю. В. Откупщикова не опровергают отождествления В. В. Шеворошкиным $\mathbf{\nabla}$ как *p*. Правда, как раз это отождествление основано у В. В. Шеворошкина главным образом на этимологических соображениях и поэтому не столь

²⁵ «Явное наклонное $\mathbf{I}$ надписи Ш. № 107, — пишет Ю. В. Откупщиков (стр. 14), — передается В. В. Шеворошкиным как *n*, а почти прямое $\mathbf{I}$ надписи Ш. № 16 (ср. наклон дигаммы в этой же надписи) транскрибируется как *b*». Но дело в том, что надписи Ш. № 107 и 16 принадлежат к разным локальным алфавитам. Дигамма в Ш. № 16 никакого наклона не имеет, а $\mathbf{\nabla}$ имеет очень явный наклон; буква *n* имеет в этой локальной группе форму $\mathbf{I}$. Надпись же Ш. № 107 принадлежит к другой локальной группе, где буква *b* (вообще редкая) пока никак не засвидетельствована. Отождествление наклонного $\mathbf{\nabla}$ в этой локальной группе как *n* определяется высокой частотностью этого знака. Вообще странно, что Ю. В. Откупщиков оперирует надписью Ш. № 107, поскольку на стр. 26 сл. он эту надпись относит к особому «кавскому» алфавиту, который, по его мнению, «вообще не читается» и не является карийским

надежно, как некоторые другие, однако приводимые автором этимологии объективно выделяемых префиксов, значимых слов и энклитик, содержащих букву ∇ , представляются достаточно убедительными. При этом согласный характер буквы ∇ установлен В. В. Шеворошкиным с помощью метода троек. То обстоятельство, что Ю. В. Откупщиков, применяя аналогичный метод, пришел к выводу о гласном характере этой буквы, объясняется тем, что при подсчетах он объединил буквы ∇ и $\vee$.

10. Знак | В. В. Шеворошкин последовательно считает словоразделом, а Ю. В. Откупщиков — только там, где это ему удобно, в других же случаях читает либо как i , либо как «апостроф» (знак элизии гласного), либо даже как «густое придыхание». Доказательств для этих чтений мы у Ю. В. Откупщикова не обнаружили, ибо нельзя считать доказательством его отождествление со словоразделом — в противовес | у В. В. Шеворошкина, — условного знака переноса строки в книге — |||!

Таким образом, чтения Ю. В. Откупщикова отнюдь не имеют преимуществ перед чтениями В. В. Шеворошкина в смысле их доказательности.

Сильной стороной своей интерпретации карийской письменности Ю. В. Откупщиков считает удобочитаемость получающихся текстов. Однако он не приводит чтения всех карийских текстов или хотя бы только всех карийских текстов Африки, а только тех, которые в его чтении действительно выглядят более или менее благозвучно. Правда, уже в ходе своей аргументации Ю. В. Откупщиков должен был показать читателю такие маловероятные чтения, как *smnaio* и *uioz*, но он не задерживается на них и во всяком случае первое из них даже не приводит в разделе своей работы, озаглавленной «Чтение надписей». С другой стороны, и Ю. В. Откупщикова не удается совсем избежать скопления согласных; см., например, *Mksakwai*, *Mlsodo* (III. № 25), *smnao* и т. д.; в этих случаях он с легкостью дополняет нужные ему гласные в скобках в своих транслитерациях²⁶. Однако попробуем приложить чтения знаков, предложенные Ю. В. Откупщиковым в его таблице (стр. 2) не к специально отобранным, а к любым карийским надписям. Тогда мы получим, например, для 2 стк. надписи III. № 99 такой «текст»: *otukooik.aluod*. Или III. № 85, 1 стк.: *koketooawiozi* (?)²⁷. Причем, если текст III. № 99 найден в самой Кари, то текст III. № 85 относится к карийским текстам Африки, которые, собственно, Ю. В. Откупщиков и объявляет дешифрованными им.

Если скопления согласных в чтениях В. В. Шеворошкина имеют рациональное объяснение и, более того, даже могли бы быть предсказаны теорией, то такие скопления гласных, как *-iio-*, *-oo-*, *-ooa-*, *-aioi-*, которые получаются у Ю. В. Откупщикова, вряд ли могут быть объяснены лингвистами или теоретиками истории письма.

Ю. В. Откупщиков приходит к выводу: «Можно предполагать, что перед нами язык, близкий к греческому или один из существенно отличных его диалектов» (стр. 32). Однако приводимые им «морфологические наблюдения» представляют собой хаотический набор форм, свойственных разным греческим диалектам, и едва ли поддающийся какой-либо историко-лингвистической классификации. К этому следует добавить, что Ю. В. Откупщиков приводит только такие формы, которые, в результате насилия над эпиграфикой, могут быть подогнаны под нечто, отдаленно похожее на греческие. Большинство карийских надписей, даже происходящих из Африки, он просто не приводит.

Разумеется, говорить о характере карийского языка, не учитывая довольно обильного материала карийских собственных имен в греческой передаче, невозможно. Ю. В. Откупщиков ссылается только на работу Г. Мейера 1886 г. Не имея никаких сведений о древнеанатолийской ветви индоевропейских языков, которая тогда еще не была открыта, и интуитивно чувствуя индоевропейский характер карийского материала, Г. Мейер, лингвист даже для того времени довольно слабый, действительно был склонен связывать этот материал с греческим языком. Но Ю. В. Откупщиков ни одним сло-

²⁶ Автор совершенно игнорирует комбинаторный анализ надписей. Характерный пример: надпись III. № 2 Ю. В. Откупщиков читает *θερ ομντακη ειχοιουτκ(ε)*. Однако сегмент **ΝΑΛΛΟ** (*-ντακη* по Ю. В. Откупщикову, *ntakū* по В. В. Шеворошкину) представляет отдельное слово, что подтверждается сопоставлением контекстов ряда надписей; (в следующем слове третья буква плохо сохранилась, но все же ясно, что

это не *ο*, а середина от **Μ** — *m* по Ю. В. Откупщикову, *s* по В. В. Шеворошкину, — а конечное *-ε* прибавлено Ю. В. Откупщиковым вполне произвольно, в нарушение п. 4 его собственных принципиальных положений.

²⁷ Трудно сказать, объявил ли бы Ю. В. Откупщиков последний знак словоразделом, «густым придыханием» (которое он на стр. 28 отождествляет с... дигаммой!), «апострофом», или буквой *i* — он читает его по-всякому. Ср. еще надпись III. № 12, где, если следовать Ю. В. Откупщикову, придется читать *seuweiōiē* (или *seuweiōiēi*).

вом не упоминает подлинно научные исследования А. Хойбека (1959—1962 гг.) и Л. Згусты (1964 г.), которые с бесспорностью доказали древнеанатолийский характер карийских имен в греческой передаче.

Чрезвычайно неприятное впечатление в работе Ю. В. Откупщикова создает систематическое замалчивание достижений его предшественника В. В. Шеворошкина; имя его упоминается только там, где автор хочет показать «несостоятельность» его положений. То обстоятельство, что Ю. В. Откупщиков базируется на установленном В. В. Шеворошкиным факте алфавитного характера карийской письменности, перенимает большую часть его чтений отдельных знаков, использует разработанную им методику разделения гласных от согласных и установленное им понятие локальных алфавитов, наконец то, что о самом существовании некоторых работ по карийскому языку и письменности Ю. В. Откупщиков явно узнал из книги В. В. Шеворошкина²⁸, — все это остается читателю Ю. В. Откупщикова неизвестным.

Таким образом, работа Ю. В. Откупщикова по дешифровке карийских писем Африки является шагом назад по сравнению с книгой В. В. Шеворошкина, за которой она последовала с излишней поспешностью, и не может считаться отвечающей ни современным научным требованиям, предъявляемым к работам дешифровщиков, ни этическим требованиям, предъявляемым вообще к труду ученого.

На материале двух работ, посвященных карийскому письму, интересующийся теоретическими проблемами дешифровки может судить о том, как нужно и как не нужно работать с неизвестными алфавитными письменностями.

И. М. Дьяконов

²⁸ Это утверждение доказывается прим. 4 на стр. 3 работы Ю. В. Откупщикова (речь идет об отождествлении знака Σ как h , — у самого Ю. В. Откупщикова (k) h , которое он приписывает А. Менцу). Примечание гласит: «Позднее А. Бернан обнаружил данный знак в греческом слове на месте X , подтвердив тем самым правильность идентификации А. Менца». Однако работа А. Бернана (рукописная копия граффити) осталась неизданной; она стала известна В. В. Шеворошкину в факсимильном воспроизведении, присланном ему из Каира Центром документации и изучения истории, искусства и цивилизации древнего Египта (Шеворошкин, ук. соч., стр. 17); о существовании этой работы Ю. В. Откупщиков мог узнать, следовательно, только из книги В. В. Шеворошкина (стр. 17 и стр. 78 сл.), на которую, по своему обыкновению, он не сделал ссылки; вывод же о значении буквы Σ (h) сделан не А. Бернаном, который только копировал, но не исследовал надписи, а В. В. Шеворошкиным на основании копий А. Бернана. Еще одно доказательство, что А. Бернан Ю. В. Откупщиков не читал — если еще требуются доказательства! Что касается А. Менца, то его «дешифровка» носила фантастический характер, и чтение им буквы Σ как h (но не h , kh), о котором также можно прочесть в книге В. В. Шеворошкина (стр. 52), объясняется тем, что он совершенно случайно «попал в точку», — однако без каких-либо научно приемлемых доказательств. Так Ю. В. Откупщиковым пишется история науки!

В. Д. БЛАВАТСКИЙ. *Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора*, М., Изд-во «Наука», 1964, 232 стр., тираж 1800 экз., цена 1 руб.

[Рецензируемый труд принадлежит крупнейшему исследователю античности, в течение многих лет производившему раскопки в Северном Причерноморье, в том числе и в Пантикапее. Автор пришел к этой книге не только как археолог, подводящий итоги своим полевым исследованиям, но и как историк, обобщивший весь имеющийся материал источников. Книге о Пантикапее предшествовал ряд публикаций и статей, среди которых такие значительные, как «Архаический Бос-

пор», «Строительное дело Пантикапея» и др.¹ Монография В. Д. Блаватского представляет большую ценность для историков, археологов, искусствоведов, а доступная форма изложения, без сомнения, сделает ее популярной и в широких кругах читателей, интересующихся ан-

¹ Список этих работ см. в сборнике, изданном к 40-летию научной деятельности В. Д. Блаватского, — «Культура античного мира», М., 1966, стр. 13 слл.